

18+

Алексей Митрофанов



**ИСТОРИЯ  
ОБОЛЬЩЕНИЯ.  
РОССИЯ**

Алексей Митрофанов

**История обольщения. Россия**

«Издательские решения»

**Митрофанов А.**

История обольщения. Россия / А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530810-8

Давайте проследим, как развивался и менялся русский обольститель со времен Петра Великого до наших дней. Тем более, многие технологии прошлого актуальны и полезны в наше время. У старого русского обольстителя есть чему поучиться!

ISBN 978-5-00-530810-8

© Митрофанов А.  
© Издательские решения

## Содержание

Романтичный фундамент	6
Великий русский соблазнитель Пушкин	14
Не только Пушкин	19
Наступает время технологий	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

# История обольщения. Россия

**Алексей Митрофанов**

© Алексей Митрофанов, 2021

ISBN 978-5-0053-0810-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обольщение в России издавна считалось чем-то не совсем пристойным, а искусство флирта, соответственно, было задвинуто в самый дальний угол. Именно поэтому на территории нашей страны столь бешеным успехом пользовались всякого рода заезжие Казановы: свои-то робели.

Но и у нас пробивались ростки куртуазности. А часто это были не ростки, а целые деревья, даже рощи. Давайте проследим, как развивался и менялся русский обольститель со времен Петра Великого до наших дней. Тем более, многие технологии прошлого актуальны и полезны в наше время. У старого русского обольстителя есть чему поучиться!

## Романтичный фундамент

В глубокой, но не глубочайшей древности, когда Москва еще была столицей, а дома в три этажа удивляли значительно больше, чем ковер-самолет и молодильные яблоки, существовали строгие свадебные традиции – и никакого пикапа.

Все стало рушиться при Петре Первом. Еще вчера девица безвылазно сидела у себя в светелке, ткала холсты и предавалась сладостным мечтам о суженном, а тут вдруг приезжает от царя курьер, и требует, чтоб эту самую девицу, да еще в постыдном европейском костюме везли на ассамблею. Где такие же вчерашние затворницы в окружении бесстыжих щеголей пьют алкогольные напитки, выплясывают откровенно сексуальные танцы и обмениваются с упомянутыми щеголями смелыми взглядами. Дальше взглядов, разумеется, в то время безобразие не заходило (отдельные примеры не в счет, они и в светелках случались) Но все равно – дело дохлое.

Пересказывали историю про некоего отважного гардемарина Смольянинова, который, увлекшись прекрасной княжной, забрался на крышу княжеского дома, чтобы потом, когда все захрапят, спуститься в спальню к прелестнице. Но крыша оказалась ветхая и провалилась, притом гардемарин рухнул в спальню вовсе не к княжне, а к ее матери княгине. Та, ясное дело, приняла его за черта, и это обстоятельство дало Смольянинову некую фору. Словом, сумел убежать.

Другой авантюрист переоделся девкой, но, по ошибке, попал в комнату, где почивал хозяин дома, а вовсе не его очаровательная дочь. Тот проснулся и, увидев около себя, предстательницу интересного пола, к тому же, из нижних сословий, принялся ее всяко ощупывать. Девка заорала густым басом, бедный хозяин испугался чуть ли не до полусмерти.

Но, опять же, такие истории случались нечасто и погоду не делали. Большинство воздыхателей все так же воздыхали где-то в отдалении, а девушки знакомились со своими будущими спутниками жизни чуть ли не на свадьбе.

\* \* \*

Ближе к концу XVIII века начала набирать популярность лирическая поэзия. Европейской куртуазностью, естественно, не пахло. Но, по крайней мере, на словах она уже присутствовала. В том числе, любительская. И, возможно, даже в большей степени любительская.

На этом фронте преуспел астраханский губернатор Никита Афанасьевич Бекетов:

*Не кидай притворных взоров  
И не тищись меня смущать.  
Не старайся излеченны  
Раны тщетно растравлять.*

*Я твою неверность знаю  
И уж боле не пылаю  
Тем огнем, что сердце жгло,  
Уж и так в безмерной скуке,*

*В горьком плаче,  
В смертной муке  
Дней немало протекло...*

И так далее.

\* \* \*

Примерно тогда же культурное общество поразила история с графом Николая Шереметевым. В 1773 году Николай Петрович вернулся из длительного заграничного путешествия в свое родовое поместье Кусково. После просвещенной и изящной европейской жизни, после Англии, Франции, Швейцарии, Германии жизнь российская казалась ему грубой и унылой. Ничего его не радовало, все было скучным, примитивным.

А юная Параша Кузнецова (в те времена фамилии часто давали по профессии родителей, отец у нее был кузнец) играла в знаменитом крепостном театре Шереметевых. Особой красотой она не отличалась. Один из историков так описал ее внешность: «Ни античной, ни классической, ни художественно правильной красоты в ней... не было, напротив, с этой точки зрения лоб нашли бы малым, глаза не достаточно обрисованы ясными линиями и не велики, а по краям несколько растянуты по-Восточному, в волосах нет роскоши, скулы выдаются слишком заметно, колорит лица то нежно-слабый, то смугловатый и запаленный. Но... выражается здесь душа».

Считалось, что как раз своей душой и одухотворенностью юная актриса привлекала зрителей театра – играла она большей частью девушек страстных и чувственных. Тем же и пленила графа. Для него неожиданно открылось, что искусство есть не только в Западной Европе, а еще и в его собственном имении Кусково. Ну а после Николай Петрович понял, что влюблен, притом влюблен взаимно.

Поначалу они вместе музицировали. Но девушка все больше занимала мысли Николая Петровича. Он писал: «Я питал к ней чувства самые нежные, самые страстные... Пиршества переменил я в мирные беседы с моими ближними и искренними, театральные зрелища заступило зрелище природы, дел Божиих и деяний человеческих, постыдную любовь изгнала из сердца любовь постоянная, чистосердечная, нежная».

Но тут и начались первые неприятности. Завистливые шереметевские крепостные, помня о происхождении Параша и, естественно, забыв обо всех ее достоинствах, постоянно задирали девушку.

– Где здесь кузница, кто кузнецом, и есть ли у кузнеца дети? – кричали мальчишки под окнами так называемого «Нового дома».

Жизнь в Кускове сделалась невыносимой. Шереметев решил поселиться в другом своем имении, в Останкине, там, где никто не помнил прошлого возлюбленной и там построить для нее дворец-театр (несмотря на перемены в жизни, одаренная актриса не хотела изменять излюбленному делу).

Но наступила новая напасть. У Параша обострился легочный процесс – болезнь, унаследованная от сильно пьющего и занимавшегося тяжелой физической работой отца. Тогда и совершается невиданное для восемнадцатого века дело: в церкви законным браком венчаются вельможный граф и его собственная крепостная. Ничего подобного в России раньше не было.

\* \* \*

Одновременно с этим романтическим событием развивалось и другое, тоже в театральном мире. Его главные действующие лица – любимцы столичной публики Елизавета Уранова и Сила Сандунов. Лизанька выходила на сцену Эрмитажного театра. В спектакле «Дианино дерево» она, задорная красавица, играла роль Амура, написанную, как говорили, будто специально для нее. Екатерина Великая пришла в восторг и велела Елизавете называть себя Урановой, в честь только что открытой планеты. Толпы великолепных и богатых петербуржцев пытались добиться ее сердца, сулили и бриллиантовые горы, но актриса была равнодушна к поклонникам. Ей дали прозвание – «Амур, не пойманный золотой сеткой».

Ее избранником стал Сила Сандунов – актер безродный, невысокий, небогатый и немолодой. К тому же, известный охотник до так называемых «веселых девиц». И, по большому счету, непонятно – вправду ли он так влюблен, или только желает участвовать в поединке мужчин-обольстителей.

Но не все поклонники Елизаветы были готовы признать поражение. Например, Безбородко – гофмейстер, действительный тайный советник, римский граф и, ко всему прочему, знаменитый придворный бабник. Он пытался соблазнить Елизавету золотом и драгоценностями – ничего не вышло. Она любила Сандунова. Тогда гофмейстер сплел интригу – подговорил директоров придворного театра Соймонова и Храповицкого уволить своего счастливого соперника.

И 10 января 1791 года, чтобы сохранить хотя бы внешнюю пристойность, назначили Сандунову прощальный бенефис. Да и то – после обращения Силы Николаевича к самой императрице.

А Безбородко, как ни странно, успокоился, и даже сделал молодым подарок – огромную шкатулку с бриллиантами. Часть их отдали на Воспитательный дом, а на другую часть построили роскошнейшие бани – Сандуновские.

Затем счастливые супруги крепко поссорились друг с другом, Елизавета Семеновна уехала в Санкт-Петербург, бани же сдали в аренду.

Сила Николаевич был «первым комиком на русских сценах», Елизавета Семеновна обладала «голосом чистым, как хрусталь и звонким, как золото». Однако же в историю они вошли – постройкой бань.

\* \* \*

Интересно сложилась судьба Гавриила Державина. Еще в 1777 году он, будучи отставным поручиком, просватался к семнадцатилетней Екатерине, дочери португальца Бенедикта Бастидона, бывшего камердинера Петра Третьего. Мать же девушки была кормилицей будущего императора Павла.

Словом, Гавриил Романович сделал серьезную заявку. И, пока родители девицы наводили о нем справки, он отважился, вопреки обычаям своего времени, нанести Кате частный визит. В этот момент совершенно неожиданно вернулась Бастидониха, и застала соискателя у нег собственной дочери. К счастью, к тому моменту сведения были уже собраны, родителей невесты все устраивало, они появились второй раз с иконами, благословили молодых и принялись готовить свадьбу.

Гавриил Романович жил с Екатериной Яковлевной (так переделали на русский лад ее довольно экзотическое отчество) счастливо, но, к сожалению, не долго. Спустя шестнадцать лет супруга умерла. Не привычный к одиночеству, он начал подбирать замену. Тут-то и вспомнился один случайный диалог, состоявшийся еще при жизни Екатерины Яковлевной. Некая девица Дьякова сказала ей полушутя: «Найдите мне такого жениха, как ваш Гавриил Романович. Я пойду за него и, надеюсь, что буду с ним счастлива».

Ободренный этим воспоминанием, поэт отправился к девице с предложением руки и сердца, и она ответила согласием.

Как говорится, дождалась.

\* \* \*

Еще одна романтическая история того же времени была взята Андреем Вознесенским для поэмы, а затем и оперы «Юнона и Авось». А дело обстояло так. 1801 году, после коронации императора Александра Первого, граф Николай Румянцев вступил в практически неограниченную силу. Царь говорил о Румянцеве: «Нет такого дела, которого я не мог бы поручить

Николаю Петровичу Румянцеву с полным совершенно доверием, потому что оно будет исполнено абсолютно точно».

Он директор Департамента водных коммуникаций, Министр коммерции, Министр хлеба и земель – была в то время и такая должность. Его стараниями в стране появляется первая деловая газета – «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости» и создается так называемая Мариинская система, связавшая водным путем Волгу с Балтийским морем. Важность этой системы шлюзов, каналов и водохранилищ не переоценить. Ее сравнивали и с Панамским каналом, и с другими столь же важными гидропроектами.

А в 1803 году он снаряжает кругосветку Крузенштерна. Именно ее частью было путешествие «Юноны» и «Авось», а также Николая Петровича Резанова. Ему было 42 года, а Кончите 15. Влюбилась в русского красавца без ума.

Все происходило под руководством опытного интригана. Инспектор Русской Америки (так официально называлась резановская должность) слал ему донесение за донесением. Оба авантюриста – один в тиши столичных кабинетов, а другой в испанской Калифорнии – шаг за шагом строили интригу. Один из участников той экспедиции, врач Георг Лангсдорф восхищался Кончитой: «Она выделяется величественной осанкой, черты лица прекрасны и выразительны, глаза обвораживают. Добавьте сюда изящную фигуру, чудесные природные кудри, чудные зубы и тысячи других прелестей. Таких красивых женщин можно сыскать лишь в Италии, Португалии или Испании, но и то очень редко».

А про Николая Петровича мудрый доктор писал: «Можно было бы подумать, что Резанов сразу влюбился в эту молодую испанскую красавицу. Однако ввиду присущей этому холодному человеку осмотрительности, я скорее допущу, что он просто возымел на нее какие-то дипломатические виды».

И вот Резанов, наконец, докладывает Румянцеву: «Здесь должен я Вашему Сиятельству сделать исповедь частных приключений моих. Ежедневно куртизуя гишпанскую красавицу, заметил я предприимчивый характер ее, честолюбие неограниченное, которое при пятнадцатилетнем возрасте уже только одной ей из всего семейства делало отчизну ее неприятною. Всегда шуткою отзывалась она об ней: „Прекрасная земля, теплый климат. Хлеба и скота много, и больше ничего“. Я представил российский климат посуровее и притом во всем изобильней, она готова была жить в нем, и, наконец, нечувствительно поселил я в ней нетерпеливость услышать от меня что-либо посерьезнее до того, что лишь предложил ей руку, то и получил согласие».

Оба интригана празднуют успех. Однако же судьба распоряжается иначе. На обратном пути в Петербург, уже в сухопутной его части, Николай Петрович Резанов неудачно падает с лошади и спустя несколько дней умирает. Кончита узнает о его смерти лишь на следующий год. Девушка сохраняет верность обожаемому жениху. На протяжении двадцати лет она занимается благотворительностью, а затем постригается в монастырь Святого Доминика как Мария Доминга.

#### Целый Тамбов французов

Впрочем, перенесемся из далекой заграницы в русскую провинцию. Десант мужчин с более-менее приличными манерами неожиданно высадился в Тамбове в 1812 году. Это были беженцы из Москвы и прочих городов, располагавшихся западнее Тамбова. Даже Лев Толстой не обошел это явление своим вниманием. Писал в «Войне и мире»: «В половине сентября Ростовы с своим транспортом раненых приехали в Тамбов и заняли приготовленный для них вперед купеческий дом. Тамбов был набит бежавшими из Москвы, и каждый день прибывали новые семейства. К князю Андрею прибыли его люди, и он поместился в том же доме, где Ростовы, и понемногу оправлялся. Обе барышни ростовского семейства чередовались у его постели. Главная причина тревоги больного – неизвестность о положении отца, сестры и сына,

кончилась. Получено было письмо от княжны Марьи с одним и тем же посланным, в котором извещался князь Андрей, что она едет с Коко в Тамбов, благодаря Nicolas Ростову, который спас ее и был для нее самым нежным другом и братом. У Ростовых очистили еще часть дома, пожалевшись и уничтожив гостиную, и каждый день ждали княжну Марью».

Большая часть беженцев, однако же, была вполне здорова и бодрa. Тамбовские дворянки получили сразу множество новых танцоров, комплиментчиков и вообще интересных мужчин. Получили они, кстати говоря, и новое занятие. Дело в том, что губернатор города, господин Нилов обратился к обывательницам вот с таким воззванием: «К вам я обращаюсь, почтенные российские боярыни, с просьбою приготовить кто сколько может бинтов и корпий. Ваше хозяйство ничего не потеряет, если вы несколько часов уделите на заготовление испрашиваемых мною потребностей, которые зависят от вашей чувственности.

Помещицы тамбовских округ! Вам особенно предоставлена честь успокоить русских воинов и слезою умиления облегчить их боль, от нанесенных злодеями ран терпимую».

Конечно же, простые горожанки в большинстве своем проигнорировали воззвание своего губернатора – им и без этого хватало хлопот. Однако благородные дворянки с радостью принялись щипать корпию. И госпожа Волкова писала госпоже Ланской: «Мы готовим корпию и повязки для раненых; их множество в губерниях Рязанской и Владимирской, и даже здесь, в близких городах. Губернатор посылает наши запасы в места, где в них наиболее нуждаются».

Что ж, доставить разом удовольствие себе и пользу армии – дело хорошее.

\* \* \*

А чуть позже все в тот же Тамбов стали прибывать еще более интересные мигранты – пленные французы. Дамы были напрочь очарованы манерами, галантностью, произношением и ухоженностью представителей вражеской армии. Впрочем, как к врагам в Тамбове к ним никто не относился. Французы преспокойно проживали себе на квартирах и разгуливали по уютным улочкам ставшего столь гостеприимным городка. Более того, от приглашений погостить в какой-нибудь помещичий особнячок отбою не было. Один из таких пленных, некто господин Пешке писал: «Я готов думать, что французу здесь лучше, чем на родине, он отовсюду встречает здесь незаслуженное расположение».

Более того, военнопленные тут открывали бизнес, и подчас довольно крупный. Например, Доминико Пивато открыл трактир «Берлин» (назвать его «Парижем» он, видимо, посчитал верхом цинизма).

Возникло даже целое явление, известное на всю страну – «тамбовские французы». Один из них воспет поэтом Пушкиным в «Евгении Онегине»:

*С семьей Панфила Харликова  
Приехал и мосье Трике,  
Остряк, недавно из Тамбова,  
В очках и рыжем парике.  
Как истинный француз, в кармане  
Трике привез куплет Татьяне.*

Словом, гостеприимство тамбовцев не знало границ.

\* \* \*

Неисчерпаема тема Тамбова! После французов в город заезжало на постой блистательное, уже отечественное офицерство. Михаил Лермонтов описывал гостей губернской столицы в своей знаменитой «Тамбовской казначейше»:

*Вдруг оживился круг дворянский;  
Губернских дев нельзя узнать;  
Пришло известье: полк уланский  
В Тамбове будет зимовать.  
Уланы, ах! такие хваты...  
Полковник, верно, неженатый —  
А уж бригадный генерал,  
Конечно, даст блестящий бал.  
У матушек сверкнули взоры;  
Зато, несносные скупцы,  
Неумолимые отцы  
Пришли в раздумье: сабли, шпоры  
Беда для крашенных полов...  
Так волновался весь Тамбов.*

Не удивительно – жизнь в городе была все же скупа на развлечения.

А в гостинице «Московской» поселился, как назло, красавец штаб-ротмистр Гарин. Разумеется, хозяин на досуге ориентировал его в хитросплетениях тамбовской жизни:

*Спешил о редкостях Тамбова  
Он у трактирщика узнать.  
Узнал немало он смешного —  
Интриг секретных шесть иль пять,  
Узнал, невесты как богаты,  
Где свахи водятся иль сваты;  
Но занял более всего  
Мысль беспокойную его  
Рассказ о молодой соседке.  
«Бедняжка! – думает улан, —  
Такой безжизненный болван  
Имеет право в этой клетке  
Тебя стеречь – и я, злодей,  
Не тронусь участью твоей?»*

И, как не трудно догадаться, все закончилось немножечко скандально, но при этом жуть как романтично. Казначей, играя в карты с Гариным, за несколько часов спустил все свое состояние и, в качестве последней ставки, предложил свою красавицу-жену, бывшую тут же, при игре. Улан, ясное дело, согласился. И, конечно, выиграл. И явился в «Московскую» уже не один:

*Недолго битва продолжалась;  
Улан отчаянно играл;  
Над стариком судьба смеялась —  
И жребий выпал... час настал...  
Тогда Авдотья Николавна,  
Встав с кресел, медленно и плавно  
К столу в молчанье подошла —  
Но только цвет ее чела  
Был страшно бледен; обомлела*

*Толпа, – все ждут чего-нибудь —  
Упреков, жалоб, слез – ничуть!  
Она на мужа посмотрела  
И бросила ему в лицо  
Свое венчальное кольцо —*

*И в обморок. Ее в охапку  
Схватив – с добычей дорогой,  
Забыв расчеты, саблю, шапку,  
Улан отправился домой.  
Путру вестию забавной  
Смищен был город благонравный.*

Вот это был мужчина, ничего не скажешь! Можно представить себе, как тамбовские кумушки перемывали кости казначейше и как они же дико ей завидовали!

\* \* \*

Продолжим осмотр провинции. Еще одно событие произошло в городе Ярославле. На сей раз архитектурное, однако же, имеющее самое прямое отношение к теме нашего повествования. На ярославской набережной появилась Волжская беседка, моментально ставшая и символом города, и символом романтических отношений. Правда, в нынешнем, каменном виде она появилась лишь в сороковые годы девятнадцатого века.

Это – одна из немногих беседок, о которой написано целое стихотворение. Автор его – поэт Иван Смирнов.

*Старой липы тяжелье ветки  
Наклонились к земле в полусне.  
А девчонка под липой в беседке  
Не смолкая, поет о весне...*

*Рукавички веселой расцветки,  
Шарф, как два распростертых крыла,  
Скольким ты, дорогая беседка,  
Объясниться в любви помогла!*

Конечно же, стихотворение немножечко наивно. Но в правдивости ему не отказать: в беседке не только принято объясняться в любви. Сюда, к тому же, по традиции, навещаются молодожены – благо ЗАГС находится неподалеку, на той самой романтической волжской набережной.

Кстати, внешность ярославских девушек издавна считалась образцовой на Руси. Когда атаман Платов вывез из далекой Англии девицу-компаньонку, некую Элизабет Денис Давыдов задал Платову вопрос – а для чего она нужна? Ведь с англичанкой даже не поговоришь – язык другой. На что атаман отвечал: «Я скажу тебе, братец, это совсем не для физики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благонравная; а к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба».

Лучшего комплимента и представить себе невозможно.

\* \* \*

В те времена в России начали формироваться так называемые «ярмарки невест». Главная располагалась в Москве. Нет, это не было каким-то специально отведенным местом, типа ярмарки коров или грибного базара. Ярмарка любви была рассредоточена по всему городу.

Дворяне знакомились на балах и в церквах. На балах, разумеется, основным инструментом был танец. На них заранее записывались в специальные блокноты. У девиц красивых и богатых в тех блокнотах было все заполнено до конца вечера. У страшеньких и бедных, разумеется, страницы были девственно чисты.

Среди храмов славилось «Малое Вознесение» на Большой Никитской улице. Попросить передать свечку, встретиться глазами, произнести пару-тройку ни к чему не обязывающих даже не комплиментов, а так, одобрительных слов. А там, глядишь, и приглашение на ужин, и под образа.

Для молодых людей попроще существовали многочисленные гулянья – на Тверском бульваре, у Новинского монастыря, у Новодевичьего. Открытый диалог вести было запрещено, поэтому существовали многочисленные языки веера, языки зонтика, языки цветов и прочие более или менее эффективные системы семафоров.

## Великий русский соблазнитель Пушкин

Бесспорным гуру соблазнения был для своей эпохи Александр Сергеевич Пушкин. Косвенное подтверждение этому – так называемый «Дон-Жуанский список Пушкина». Больше никто из современников поэта подобных списков не имел. Правда, Александр Сергеевич его сам и составил – будучи в 1829 году в гостях у сестер Ушаковых, на Пресне. Но у нас нет никаких оснований ставить его под сомнения. Наоборот, поэт скорее преуменьшил свои подвиги и заодно преувеличил свою нравственность.

«Список» представлял из себя две колонки с женскими именами, всего 37 штук. За ними красовался автопортрет Пушкина в монашеской одежде и искушаемого бесом. Под автопортретом – шутливая подпись «Не искушай (сай) меня без нужды».

Игра «шай» - «сай», «искушай» - «искусай» с тех пор неоднократно повторялась, но пушкинское авторство, фактически, забыто.

Впервые список был опубликован в 1887 году, и с этого момента пушкинисты всего мира регулярно его расшифровывают. Кто такая Пульхерия? А еще Катерина Вторая, Калипсо, Евгения, Катерина Четвертая. Три Анны без номеров, просто Анны.

Интересно же. Тем более, что в общей сложности у Александра Сергеевича было не 37, а, как минимум, 113 женщин. По крайней мере о своей жене, Наталье Николаевне, он пишет как о своей стотринадцатой любви.

При этом самое, казалось бы, интересное, и чему посвящено это исследование, остается за рамками достигнутого высоколобыми пушкиноведами. Как именно происходило соблазнение? Что Пушкин говорил? Что ему отвечали? Брал ли он девушку за руку? Или это был верх неприличия, Или был верх неприличия, но все равно брал?

Сам Пушкин и его многочисленные современники, люди весьма далекие от пуританства, стеснялись описывать эту сторону флирта. Один из пушкинистов, Петр Губер, писал: «Азбука любви была в руках у Пушкина. Он быстро затвердил все буквы этого алфавита и даже научился составлять из них новые сочетания».

Но что это за азбука? Где эти буквы?

Пушкинский товарищ по лицу С. Комовский вспоминал: «Пушкин любил приносить жертвы Бахусу и Венере, волочился за хорошенькими актрисами гр. Толстого, причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской природы. Пушкин был до того женолюбив, что, будучи еще 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей во время лицейских балов взор его пылал, и он пытел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна».

Что кроется за этим «волочился»? Как именно «волочился» Александр Сергеевич? Ответа нет. Вряд ли имеется в виду сопение. Хотя, кто знает?

Вот, вроде бы, ближе к теме. Брат Александра Сергеевича, Лев Сергеевич Пушкин: «Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал (в нем было с небольшим два аршина и пять вершков), но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно. Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен. Когда он кокетничал с женщиной или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив».

Тот же Лев Сергеевич делает оговорку, что о поэзии и о литературе Пушкин с женщинами в принципе не разговаривал. Тогда что это был за разговор, «необыкновенно заманчивый»?

А вот один из друзей Пушкина, Алексей Николаевич Вульф: «Пушкин говорит очень хорошо; пылкий, проницательный ум обнимает быстро предметы; но эти же самые качества причиною, что его суждения о вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро: женщин же он знает, как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое вли-

яние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оною».

Кажется, картинка прояснилась. Просто треп, увлекательный треп, который завораживал избранницу, втягивал ее в воронку пушкинского интереса. Женщина любит ушами, а язык у Пушкина подвешен хоть куда. И нет необходимости хватать за руки – разве что на последних этапах оболъщения, когда рубикон уже пройден и сняты перчатки из тоненькой лайки.

А еще поэт брал тем, что моментально загорался. Уж это нельзя было запретить никакими канонами, а женщины такие вещи чувствуют безошибочно и это им ужасно льстит. В свою дальнюю родственницу Софью Федоровну Пушкину он влюбился в момент. Писал: «Мерзкий этот Панин! Знаком два года, а свататься собирается на Фоминой неделе; а я вижу ее раз в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь».

Кстати, выражение серьезности намерений – «сватаюсь» – в подобных ситуациях почти что ничего не значило, поскольку подразумевалось. А зачем же еще очаровать барышню?

Дело в том, что до начала прошлого столетия знакомились, ухаживали, оболъщали, в основном, с одной лишь целью – создать семью. Иначе – неприлично. К проституткам ходить – прилично и даже необходимо «из гигиенических соображений». А с порядочными девушками все иначе. Тронул – женись. Посещает парень дом, где девушка на выданье, ужинает, пьет хорошее вино, играет с папашей в шашки – и вдруг «перестает бывать». Ну, мало ли – наскучило

И все. Девушка опозорена, а брат ее, бравый гардемарин, спешит вызвать бесстыдника на честный поединок.

\* \* \*

Да, кодекс чести был суров. В том числе и у простонародья. Орловский священник Н. Соколов описывал событие, свидетелем которого он стал в 1821 году: «В последний год пребывания моего в орловском духовном училище, я ходил в торговую баню, будучи 16 лет; но право равнодушно смотрел на молодых женщин, только любовался иногда прекрасною фигурою 15-летней девочки, и то нисколько не обращая внимания на детали фигуры. В раздевальной не позволялось (как обычаем принято было) мужчинам обращаться к женщинам ни одним словом. Я помню, что досталось мещанину за несколько безобидных слов, обращенных к молодой женщине... Все женщины, бывшие в раздевальной, взъелись на несчастного. Выходят из бани два геркулеса; узнав, в чем дело, накидываются на озорника: «Ты что?» – «А вы что?» – отвечает озорник тихо. – «Ты что?» – вскрикивают громче первые. – " А вы что?» – отвечает последний еще тише. – «Давно у тебя считались ребра?» – вскричали первые. Тогда озорник, схватив остальное платье свое, которого не успел надеть, скорее вон из раздевальной; женщины дружным хохотом проводили труса».

Но у дворян, разумеется, все было серьезнее – конфликт разрешался не на кулаках, а на пистолетах мастера Лепажя. Недаром Пушкин постоянно дрался на дуэлях – все из-за общественной морали, будь она не ладна!

Разве что уже упоминавшаяся «сто тринадцатая любовь» была разыграна по правилам. Что, впрочем, не уберегло поэта от последней, роковой дуэли.

Зато в публичном доме никаких приемов, чтобы «познакомиться» не требовалось:

*«Что же, – сводня говорит, —  
Хочете ль Жаннету?  
В деле так у ней горит.  
Иль возьмете эту?» —*

писал Александр Сергеевич в стихотворении «Сводня грустно за столом».

Как не трудно догадаться, в данном случае под «сводней» подразумевается хозяйка «веселого дома».

\* \* \*

В стихотворном послании к другу Соболевскому Пушкин оговаривается:

*У податливых крестьянок  
(Чем и славится Валдай)  
К чаю накупи баранок  
И скорее поезжай.*

Вряд ли, указывая на податливость валдайских девиц, Пушкин имел в виду низкие цены на баранки.

Но своим многочисленным возлюбленным Александр Сергеевич читал совершенно иные стихи. Вот, к примеру, обращение к Марии Раевской, отошедшей на минутку к морю сполоснуть ноги после долгой поездки:

*Как я завидовал волнам,  
Бегущим бурною чредою  
С любовью лечь к ее ногам!  
Как я желал тогда с волнами  
Коснуться милых ног устами!*

Никаких, как бы сейчас сказали, отношений тогда у Пушкина с Раевской не сложилось (в скобочках заметим – к счастью: Маше было всего-навсего пятнадцать лет), но наше представление о пушкинском соблазнительском инструментарии это, безусловно, расширяет.

А в некоторых поэтических произведениях мы можем разглядеть просто классическое нлп:

*Люблю твой слабый свет в небесной вышине;  
Он думы разбудил уснувшие во мне.  
Я помню твой восход, знакомое светило,  
Над мирною страной, где все для сердца мило,  
Где стройны тополи в долинах вознеслись,  
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,  
И сладостно шумят таврические волны.  
Там некогда в горах, сердечной думы полный,*

«Разбудил уснувшие во мне», «все для сердца мило», «стройны тополи», «нежный мирт», «сладостно», «сердечной думы полный». Очевидно, что для описания природы Пушкин пользуется ровно теми же словесными конструкциями, что были приняты (тогда уже) в любовной лирике.

\* \* \*

А вот письмо поэта к некоей кишиневской даме, к сожалению, нам не известной: «Я тысячу раз целовал эти строки, которые привели мне на память столько безумств и мучений столько вечеров, исполненных ума, грации и мазурки и т. д. Боже мой, до чего вы жестоки, сударыня, предполагая, что я могу веселиться, не имея возможности ни встретиться с вами, ни позабыть вас. Увы, прелестная Майгин, вдалеке от вас я утратил все свои способности, в том

числе и талант карикатуриста... У меня есть только одна мысль – вернуться к вашим ногам. Правда ли, что вы намерены приехать в Одессу? Приезжайте, во имя неба! Чтобы привлечь вас, у нас есть балы, итальянская опера, вечера, концерты, чичисбеи (постоянные спутники и отчасти конфиденты замужних дам, вроде как охраняющих их целомудрие, а там поди их разбери – авт.), вздыхатели, все, что вам будет угодно. Я буду представлять обезьяну и нарисую вам г-жу Вор. в 8 позах Аретина (модного в то время итальянский эротический поэт. – авт.)».

Много лести, самоиронии, юмора, нарочитого самоустранения («чичисбеи, вздыхатели») и очень, очень много неподдельной страсти.

Скользкие темы, двусмысленности – все это Пушкин. Анна Керн вспоминала: «За ужином Пушкин уселся с братом позади меня и старался обратить на себя мое внимание лести-выми возгласами, как, например: «*Est il permis d'être aussi jolie!*» («Как можно быть такой красивой!» – авт.) Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарады. Спроси у m-me Керн, хотела бы она попасть в ад?» Я отвечала серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Но как же ты теперь, Пушкин?» – спросил брат. «*Je me ravise*, – ответил поэт, – я в ад не хочу, хотя там и будут хорошие женщины... Скоро ужин кончился, и стали разъезжаться. Когда я уезжала, и брат сел со мной в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами».

И снова лесть, без меры, без пощады: «Что до вас, прелестная капризница, чей почерк заставил меня затрепетать, то не говорите, будто знаете мой нрав; если бы вы знали его, то не огорчили бы меня, сомневаясь в моей преданности и в моей печали о вас».

\* \* \*

А вот еще один довольно любопытный эпизод из книги «Дон-Жуанский список Пушкина». Он также связан с Анной Керн: «А. П. Керн приехала в Псковскую губернию в середине июня. Она начала тяготиться своим двусмысленным положением и готова была при помощи родственников сделать первый шаг к сближению с мужем, который, со своей стороны, ничего лучшего не желал. Прибытие ее в Тригорское явилось для поэта неожиданностью, хотя какое-то предчувствие подсказывало ему, что его ожидает нечто приятное. Ольга Сергеевна Пушкина рассказывала впоследствии сыну, что у брата ее чесался левый глаз, сильно билось сердце и бросало то в жар, то в озноб, когда, в один прекрасный день, он отправился в Тригорское. Далее пусть говорит сама Анна Петровна. «Мы сидели за обедом и смеялись над привычкой одного господина, Рокотова, повторявшего беспрестанно: «*Pardonnez ma franchise; je tiens beaucoup a votre opinion*».

«Вдруг вошел Пушкин с большою, толстою палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол, он обедал у себя гораздо раньше и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками *chien-loup*. Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила; он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили...»

Любопытную черту представляет собою эта робость, внезапно проявленная двадцатилетним, бывалым и многоопытным Пушкиным. Современный биограф имеет право не быть так доверчив, как простодушная Анна Петровна, постоянно попадавшаяся в ловушки, расставляемые ей мужчинами. План правильной осады, которую надлежало начать против новой посетительницы Тригорского, мог создаться у Пушкина еще раньше, во время его переписки с Родзянкой. Показная робость первых шагов была испытанным средством традиционной любовной стратегии. Вальмон из «Опасных Связей», начиная свою кампанию против г-жи Турвель, тоже прикидывается застенчивым и боязливым. Сверх того, в данном случае, Пушкин, так хорошо знавший женский нрав, должен был понимать, что Анну Петровну, побывав-

шую в школе А. Г. Родзянки, а также, вероятно, и других господ того же склада, мудрено было поразить дерзостью и бесцеремонностью. Недостаток внешней почтительности мог даже возмутить и обидеть ее, как намек на ее не совсем безупречную репутацию. По всем этим причинам мы не особенно склонны верить непривычной застенчивости Пушкина».

То есть, в чемоданчик с инструментами великого поэта входила также робость.

## Не только Пушкин

Впрочем, Пушкин оказался в фокусе нашего развлекательного исследования исключительно благодаря собственной известности. Его слава ходока по женской части всего-навсего является частью его славы вообще, а поскольку вся она фантастически велика, то, соответственно, преувеличиваются, гипертрофируются и ее части. Тот же пушкинский приятель А. Н. Вульф, пусть и считался учеником Александра Сергеевича (в том числе по части оболщания), мог дать учителю солидную фору. Вульф, к примеру, вел одновременно несколько интриг. Пушкин пробовал, но у него довольно плохо получалось. Он должен был полностью раствориться в очередном предмете своей страсти, это была одна из составляющих его инструментария оболщителя. Пушкин брал чувством, Вульф – умом. Учитывал характеры, просчитывал ходы. Сегодня он бы мог стать коучером по нлп. Тогда был просто ловеласом.

Оба, Впрочем, зачитывались романом французского политического деятеля Пьера Шодерло де Лакло «Опасные связи» и считали именно этого автора своим настоящим учителем.

Да и сам Александр Сергеевич был, разумеется, не единственным стихотворцем, который использовал свои способности не только ради публикации в журнале, но и для позитивного воздействия на интересный пол. Просто, что называется, труба пониже – дым поуже. Вот, например, стихотворение поэта и краеведа Дмитрия Ознобишина, написанное в 1851 году:

*Была пора! Мне муза молодая  
Беспечною сопутницей была  
И, кудрями у юноши играя,  
По имени так ласково звала.*

*Доверчиво глядел я в очи милой,  
Я лепет уст смеющихся ловил;  
Надеждами, восторгом сердце жило...  
Была пора! – я плакал и любил...*

*Все унесло в полете быстром время,  
Сроднился я с бессонливым трудом,  
Чело браздит забот тяжелых бремя,  
И кудрей шелк оделся серебром.*

*Подчас в груди встает невольный ропот,  
О прошлых днях ревнивая тоска!..  
Убил мечты неумолимый Опыт...  
Готов рыдать... Нет слез у старика!*

Сорокавосьмилетний «старик» посвятил эти строки одной из родственниц инспектора смоленской врачебной управы Франца Забелло. А мы, пользуясь случаем, отметим, что прием этот – прикидываться стариком – работал еще в позапрошлом столетии. Механизм его, в общем, понятен: нужно сделать так, чтобы восторженная барышня принялась бы тебя переубеждать – нет, дескать, какой ты старик! Самый сок!

\* \* \*

Антон Павлович Чехов не гнушался идти этим проверенным путем. Ухаживая, за гимназической приятельницей своей младшей сестры, некой Юношевой, монотонно бубнил:

*Как дым мечтательной сигары,  
Носилась ты в моих мечтах,  
Неся с собой судьбы удары,  
С улыбкой пламенной в устах...*

Вообще же, каждый пользовался тем, чем его одарила судьба и природа. Пушкин был поэт – он, соответственно, читал стихи. Богач завлекал роскошью. Подтянутый гусар хорош был в танцах. Живописец, разумеется, писал портрет.

Чеховский «Дом с мезонином», написанный в 1896 году, раскрывает нам глубины чувств истинного художника, а заодно намекает на то, как эта творческая профессия способствует оболщанию: «Я любил Женю. Должно быть, я любил ее за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня нежно и с восхищением. Как трогательно прекрасны были ее бледное лицо, тонкая шея, тонкие руки, ее слабость, праздность, ее книги. А ум? Я подозревал у нее недюжинный ум, меня восхищала широта ее воззрений, быть может, потому что она мыслила иначе, чем строгая, красивая Лида, которая не любила меня. Я нравился Жене как художник, я победил ее сердце своим талантом, и мне страстно хотелось писать только для нее, и я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе со мною будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарею, этою природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным.

– Останьтесь еще минуту, – попросил я. – Умоляю вас.

Я снял с себя пальто и прикрыл ее озябшие плечи; она, боясь показаться в мужском пальто смешной и некрасивой, засмеялась и сбросила его, и в это время я обнял ее и стал осыпать поцелуями ее лицо, плечи, руки.

– До завтра! – прошептала она и осторожно, точно боясь нарушить ночную тишину, обняла меня. – Мы не имеем тайн друг от друга, я должна сейчас рассказать все маме и сестре... Это так страшно! Мама ничего, мама любит вас, но Лида!

Она побежала к воротам.

– Прощайте! – крикнула она.

И потом минуты две я слышал, как она бежала».

Увы, в этом конкретном случае означенная Лида все испортила – не дала согласия на брак, молодые люди расстались. Но, как правило, все эти Лиды бессильны перед обаянием человека, стоящего перед мольбертом в свободной черной блузе, с длинными вьющимися волосами и, прищурившись, глядящего в дальние дали.

\* \* \*

А в Ярославской губернии одно время была популярна романтическая песня, которая так и называлась – «Портрет»:

*Любим город невелик,  
Виноградом обнесен.  
В этом саде-винограде  
Тут девочка гуляла,  
Неописана краса...  
– Позволь, кралечка милая,  
Вам словушко сказать,  
С вас натретик срисовать.*

*Я срисую с вас патрет,  
В Петенбурх город пошлю,  
В Петенбурх город пошлю,  
И отправлю в гармитаж.  
Вся столица обратилась  
В гармитаж – патрет смотреть...  
«Уж как что-то за патрет —  
Неужели человек?  
Что за прелесть, за краса!  
Неужели девица?»  
Молодцу красна девица  
Показалась весьма.*

Эта песенка была двойного действия – художник мог действительно писать портрет, а его сладкоголосый коллега по соблазну – петь про этот портрет песню под семиструнную цыганскую гитару. Простодушные провинциалки под такое пение, ясное дело, млели.

Когда осенью 1834 года Михаил Глинка увлекся Марией Петровной Ивановой, он особо не раздумывал. Конечно, музыка – вот его путь к женским сердцам. Он стал учить ее петь, и через некоторое время она уже довольно хорошо исполняла его романсы, а спустя полгода молодые обвенчались.

В том же 1834 году Герцен ухаживал за своей будущей супругой, двоюродной сестрой Натальей Захарьиной. Брал, разумеется, оригинальностью, демонстративным поприанием мещанских устоев. Герцен писал: «Мы встретились на кладбище. Она стояла, опершись на надгробный памятник, и говорила об Огареве, и грусть моя улеглась.

– До завтра, – сказала она и подала мне руку, улыбаясь сквозь слезы.

– До завтра, – ответил я., и долго смотрел вслед за исчезающим образом ее.

Это было девятнадцатого июля 1834».

В 1834 году Лев Толстой прогуливался с братьями и их общей подружкой, молоденькой девушкой Юзенькой, и случайно оказался в саду у господина Осташевского. Сад произвел впечатление. Биограф писателя П. Бирюков утверждал: «Сад показался им невероятной красоты. Там были пруд с лодками, флагами, цветы, мостики, дорожки, беседки и т. д.; они шли, как очарованные».

Хозяин же лично их катал на лодке.

А когда те же братья явились сюда через несколько дней, но без Юзеньки, их в сад не пустили. Биограф писал: «Они удалились с грустью и зародившихся в их душах недоумением, почему хорошенькое личико их подруги может иметь такое сильное влияние на отношение к ним посторонних людей».

Здесь мы видим не только активное использование ресурса (лодка, сад), но и решительные воздействие таких современных понятий, как сексизм, лукизм и эйджизм.

\* \* \*

Большими ловеласами считались так называемые «архивные юноши» – так с легкой руки друга Пушкина Сергея Соболевского в обществе называли молодых бездельников-мажоров, служивших в архиве Министерства иностранных дел. Кличка прижилась, даже вошла в литературу. Тот же Пушкин вставил их в «Евгения Онегина»:

*Архивны юноши толпою  
На Таню чопорно глядят  
И про нее между собою*

*Неблагодарно говорят.*

А поэт В. Филимонов примечал:

*Вот из архива плясуны,  
Из Экспедиции кремлевской.*

«Архивный юноша» сделался символом праздной богатой молодежи, все свое время проводящей на балах, лишь изредка наведываясь на свое рабочее место. У них было все – деньги, свободное время, родовитость, полезные связи. Очень даже удачная пара – этот архивный плясун.

\* \* \*

Способы привлечения к себе внимания были самые разнообразные и часто неожиданные. Можно было познакомиться с порядочной девицей прямо на бульваре, к примеру, натравив на нее своего карликового пуделя. Это воспринималось как остроумная шутка, которую, невзирая на внешнюю суровость, одобряли и сама девица, и ее мамки-няньки (выйди в одиночестве было, естественно, немислимо). А если юноша одет особо щегольски – к примеру, в короткий фрак лимонного или фиолетового цвета, то это еще больше усиливало вероятность успеха.

В «Дамском журнале» начала позапрошлого столетия то и дело попадались беспредельные восторги:

«Прекрасный, благоухающий резедою и освежаемый фонтанами Тверской бульвар! Он привлекает многочисленную публику, которую все лето увеселяла музыка, а под осень – иллюминация одного частного человека, а потом и другого. Обширная галерея наполнялась дамами, приезжавшими туда с работою. Искательные мужчины занимали их живым шутивым разговором, смех почти не прерывался, бульвар был местом приятнейшего соединения каждый вечер.»

Поясним: «с работою» – значит, с вязанием или вышиванием.

\* \* \*

При этом этикет общения молодых людей в провинции здорово отличался от столичного. Фаддей Булгарин посвятил этому цикл заметок «Письма провинциалки из столицы», опубликованных в 1930 году в «Северной пчеле». Их героиня приезжает в Петербург и с изумлением постигает эту разницу, о чем регулярно пишет домой своей подруге. В частности, в столице дворянин, имеющий полторы тысячи крепостных душ, вовсе не считается богатым человеком. Соответственно, семейству пришлось на балах занимать не привычные первейшие, а средние места. Маман горько плакала.

Танцуют тоже по! другому. «Посоветуй своему кузену Пьеру, чтоб он не прыгал и не делал антраша: это mauvais ton! Да намекни моему кузену Жаку, чтобы он обрил усы и не топал так ужасно ногами в мазурке, как он говорит, по-варшавски: это также supreme mauvais ton. Здесь ни один штатский не носит усов, а в танцах не прыгают и не топают ногами. Главное в том, чтобы знать фигуры. Модный танец французский кадрили, а под конец бала – котильон. Вальс и мазурка изредка, а наших экосезов, таметов, матрадуров я здесь вовсе не видала, да многие про них и не слышали. Это древность, antiquite! Французская кадрили у нас еще редкость в провинциях, а здесь, я думаю, и служанки танцуют его».

В разговоре нельзя смешивать русский язык и французский – это провинциализм. Если с барышней заговорит мужчина, она не должна потуплять взор и отвечать тихим голосом, а, напротив, смотреть нужно прямо в глаза и болтать без удержу.

«Здесь молодые люди, взявшись под руки, не ходят посреди залы, не шепчутся, не посмеиваются, посматривая на ряд девиц, сидящих кругом стен, как это бывает на наших губернских балах. Напротив того, здесь кавалер почитает обязанностью занимать разговорами девицу даже после танцев, и если он остановится при ее стуле и говорит с ней, то из этого не заключают, что он в нее влюблен и женится, как бывает у нас. В провинции если девица бросит три раза платок одному мужчине в котильоне и если мужчина три раза сряду возьмет одну девицу в танец, то на другой день в целом городе провозглашают свадьбу. А здесь об этом и не думают! Вольность в обхождении удивительная, и оттого в собрании чрезвычайно весело. Здешние девицы чрезвычайно ласковы, но не так скоро дружатся, как у нас».

Розовые щеки – плохо, «деревенский цвет». Щеки должны быть бледными, а сами барышни «тоненькими». В моде томность. «Новая подруга моя учила меня поднимать глаза кверху и после, прищурясь несколько, смотреть на всех, повертывая медленно головою и преклоня ее на одну сторону. Это, говорят, придает физиономии значительность, особенно когда девица сидит одна и ни с кем не разговаривает. Я пробовала это перед зеркалом, но опыт не удался, и моя новая горничная, которая служила у нескольких щеголих, говорит, что я делаю гримасы».

И так далее.

Но это – города. А в русских деревнях тем временем самозабвенно отплясывали старого доброго «бычка», воспетого Гавриилом Державиным в стихотворении «Русские девушки»:

*Зрел ли ты, певец Тиисский!  
Как в лугу весной бычка  
Пляшут девушки российски  
Под свирелью пастушка?  
Как, склонясь главами, ходят,  
Башимаками в лад стучат,  
Тихо руки, взор поводят  
И плечами говорят?  
Как их лентами златыми  
Челы белые блестят,  
Под жемчугами драгими  
Груды нежные дышат?  
Как сквозь жилки голубые  
Льется розовая кровь,  
На ланитах огневые  
Ямки врезала любовь?  
Как их брови соболины,  
Полный искр соколих взгляд,  
Их усмешка – души лвины  
И орлов сердца разят?  
Коль бы видел дев сих красных,  
Ты б гречанок позабыл  
И на крыльях сладострастных  
Твой Эрот прикован был.*

В «бычке» танцоры как бы подражали бодающимся бычкам и, по большому счету, этот танец сводился к топотанию друг напротив друга. Кстати, при императрице Елизавете Петровне придворными танцами и вовсе считались «русская» и «казачок» – естественно, подвергнутые некоторой хореографической переработке.

В любом случае, танцевать было необходимо. Михаил Юрьевич Лермонтов писал в романе «Княгиня Лиговская»: «На балах Печорин с своею невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален – или слишком зол, потому что самолюбие его страдало. – Танцуя редко, он мог разговаривать только с теми дамами, которые сидели весь вечер у стенки – а с этими-то именно он никогда не знакомился... у него прежде было занятие – сатира, – стоя вне круга мазурки, он разбирал танцующих, – и его колкие замечания очень скоро расходились по зале и потом по городу; – но раз как-то он подслушал в мазурке разговор одного длинного дипломата с какою-то княжною... Дипломат под своим именем так и печатал все его остроты, а княжна из одного приличия не хохотала во все горло; – Печорин вспомнил, что когда он говорил то же самое и гораздо лучше одной из бальных нимф дня три тому назад – она только пожала плечами и не взяла на себя даже труд понять его; – с этой минуты он стал больше танцевать и реже говорить умно; – и даже ему показалось, что его начали принимать с большим удовольствием. – Одним словом, он начал постигать, что по коренным законам общества в танцующем кавалере ума не полагается!».

Танцы, фактически, были главным занятием в жизни светского человека. На это четко намекал писатель Андрей Белый в романе «Петербург»: «Николай Петрович Цукатов протанцевал свою жизнь; теперь уже Николай Петрович эту жизнь дотанцовывал; дотанцовывал легко, безобидно, не пошло; ни одно облачко не омрачало души; душа его была чиста и невинна, как вот эта солнцем горевшая лысина или как этот вот гладко выбритый подбородок меж бак, будто глянувший промеж облака месяц.

Все ему вытанцовывалось.

Затанцевал он маленьким мальчиком; танцевал лучше всех; и его приглашали в дома, как опытного танцора; к окончанию курса гимназии натанцевались знакомства; к окончанию юридического факультета из громадного круга знакомств вытанцевался сам собою круг влиятельных покровителей; и Николай Петрович Цукатов пустился отплясывать службу. К тому времени протанцевал он имение; протанцевавши имение, с легкомысленной простотой он пустился в балы; а с балов привел к себе в дом с замечательной легкостью свою спутницу жизни Любовь Алексеевну; совершенно случайно спутница эта оказалась с громадным приданым; и Николай Петрович с той самой поры танцевал у себя; вытанцовывались дети; танцевалось, далее, детское воспитание, – танцевалось все это легко, незатейливо, радостно».

## Наступает время технологий

Можно сказать, что в середине позапрошлого столетия мужское население нашей страны наконец-то принялось осваивать различные приемы оболщания. Все чаще и чаще художественная литература напоминает своего рода самоучители «Как понравиться барышне за неделю». Вот, например, один довольно действенный пример – продемонстрировать свой интерес к родственнице или подруге объекта. Откроем же пьесу Ивана Тургенева «Вечер в Сорренто»:

«Аваков (в раздумьи). С другой стороны... точно... он так за вами ухаживает.

Надежда Павловна. Вот то-то и есть, мой милый Сергей Платоныч, вы хотя и беспрестанно за нами подсматриваете – а ничего не видите... Он и не думает за мной ухаживать.

Аваков. Как?

Надежда Павловна. Поглядели бы вы на него во время нашей прогулки!

Аваков. А что?

Надежда Павловна. Ах, боже мой! – да неужель же вы давно не заметили, что он волочитя за Машей?

Аваков. Бельский?

Надежда Павловна. Ну да.

Аваков (внезапно). Это хитрость!

Надежда Павловна. Как?

Аваков. Хитрость, Надежда Павловна, хитрость – и больше ничего. Помилуйте, Надежда Павловна, да ведь это ясно, как дважды два четыре... Хитрость, поверьте мне, старая штука. Он хочет в вас возбудить ревность. – Помилуйте, да это очевидно...

Надежда Павловна. Что вы говорите, Сергей Платоныч?

Аваков. Очевидно, Надежда Павловна, помилуйте. Верьте мне, ведь я ваш старинный друг, ведь уж, кажется, нам с вами не знакомиться стать, ведь я преданный вам человек – хитрость, Надежда Павловна, хитрость. Ну, возможно ли предпочесть вам кого-нибудь на свете? Ну, поверю я этому – полноте.

Надежда Павловна молчит и потупляет глаза».

\* \* \*

Больше того, в воздухе, словно серой, запахло женскими правами и эмансипацией. Медленно, но верно в соблазнители записывались сами барышни.

И снова классика. Тургенев, «Ася», 1857 год: «В небольшой комнатке, куда я вошел, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко ее. Я подошел к ней. Она еще больше отвернула голову...

– Анна Николаевна, – сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня – и не могла. Я схватил ее руку, она была холодна и лежала как мертвая на моей ладони.

– Я желала... – начала Ася, стараясь улыбнуться, но ее бледные губы не слушались ее, – я хотела... Нет, не могу, – проговорила она и умолкла. Действительно, голос ее прерывался на каждом слове.

Я сел подле нее.

– Анна Николаевна, – повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать ее руку и глядел на нее. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы

удержать накопившие слезы... Я глядел на нее: было что-то трогательно-беспомощное в ее робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

– Ася, – сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, – кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к ее руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожащей руки. Я поднял голову и увидел ее лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушел куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл все, я потянул ее к себе – покорно повиновалась ее рука, все ее тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатила с плеч, и голова ее тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

– Ваша... – прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг ее стана...»

\* \* \*

В воздухе напряженно пахло любовным озоном, барышни объяснялись в любви, записывались в нигилистки, бросали родительский кров. А вместе с этим существует параллельный мир, словно бы задержившийся в допушкинской эпохе. Литературный проект «Козьма Прутков» «сочиняет» так называемую басню «Червяк и попадьа»:

*Однажды к попадье заполз червяк на шею;  
И вот его достать велит она лакею.  
Слуга стал шарить попадью...  
«Но что ты делаешь?!» – «Я червяка давлю».*

*Ах, если уж заполз к тебе червяк на шею,  
Сама его дави и не давай лакею.*

Кажется, что авторы этого опуса годятся Ивану Тургеневу в дедушки. Но нет, шалишь! Иван Сергеевич родился в 1818 году, а самый знаменитый из участников «Пруткова», Алексей Константинович Толстой – в 1817. Разница – год. А самый плодовитый из участников «Пруткова», Владимир Михайлович Жемчужников – и вовсе в 1830 году. Моложе Тургенева на 12 лет. Разница почти что в поколение, учитывая нравы той эпохи.

Да, здесь, разумеется, нужно делать поправку на то, что Тургенев описывал нравы новой России, а «Козьма Прутков» пародировал Россию уходящую, но эти мотивации мало влияют на читательский интерес, а успех у «Пруткова» был на самом деле феерический.

Нигилизм зарождался на фоне пошлого, явно морально устаревшего «ухаживания» лакея за такой же пошлой попадье, и этот фон принципиально не хотел сдавать позиции. Да что там говорить – он актуален и сегодня.

\* \* \*

Безусловный плюс для соблазнителя – легкость характера. Это редкое качество было сильнее и поэтического, и музыкального дара, и денег, и связей, и даже гусарского мундира в обтяжку. Тургенев писал в повести «Андрей Колосов» (1844 год): «Колосов представил меня Варю, то есть Варваре Ивановне, дочери Ивана Семеныча. Варя сконфузилась; и я сконфузился.

Но Колосов, по своему обыкновению, в несколько мгновений привел все и всех в порядок: усадил Варю за фортепьяно, попросил ее сыграть плясовую и пустился отхватывать казачка взапуски с Иваном Семенычем. Поручик вскрикивал, топал и выкидывал ногами такие непостижимые штуки, что сама Матрена Семеновна расхоталась, раскашлялась и ушла к себе наверх. Горбатая старушонка накрыла стол; мы сели ужинать. За ужином Колосов рассказывал разные вздоры; поручик смеялся оглушительно; я исподлобья поглядывал на Варю. Она глаз не сводила с Колосова... Губы ее были слегка раскрыты, голова немножко нагнулась вперед, по всему лицу играла легкая краска; она изредка глубоко вздыхала, вдруг опускала глаза и тихонько смеялась... Я радовался за Колосова... А между тем мне было, черт возьми, завидно».

Именно эти два чувства – восхищение и зависть – вызывали у мужской части общества подобные весельчаки. А у женской – безудержное обожание и готовность жизнь свою отдать за этого, в общем, довольно таки пошлого субъекта.

\* \* \*

Вот рецепт от Валерия Брюсова. Повесть «Обручение Даши» была впервые опубликована в 1913 году, действие происходит в 1860-е годы, а рецепт жив всегда, потому что в основе его – та же легкость характера. Но определенным образом гарнированная: «С завистью вспоминал Кузьма статную фигуру Аркадия Липецкого, не то поэта, не то художника, не то актера, а впрочем, служившего пока в купеческом банке. Высокий, красивый, с нафабранными и завитыми усами, одетый по моде, Аркадий казался Кузьме образцом изящества. Как умел Аркадий занимать дам! Говорил комплименты и парадоксы, рассказывал чуть-чуть неприличные анекдоты, декламировал стихи своего сочинения, был находчив, остроумен и вместе с тем всегда немного грустен и загадочен. Аркадий намекал, что в его жизни была какая-то тайна: не то несчастная любовь, не то важное политическое дело, только он должен был отказаться от открывавшейся перед ним блестящей карьеры и замуровать себя в должности мелкого служащего в банке. „Да, это – натура талантливая, – в сотый раз повторял про себя Кузьма свое мнение об Аркадии“».

Не удивительно, что многочисленные Даши слетались на Аркадия как мухи на варенье. Ставя, между прочим, самого Аркадия в довольно тягостные ситуации: «Даша прекратила свои всхлипывания и вдруг спросила:

– А вы и взаправду меня любите?

– Если я произнес это слово «люблю», значит, это – правда. Запомни, Даша, что лгать – это унижать самого себя. Мы не должны лгать из чувства собственного достоинства.

С инстинктивным кокетством женщины Даша привлекла к себе Аркадия, усадила его рядом с собой и заговорила быстро-быстро, словно птица защебетала:

– Аркаша, милочка! Ежели ты меня взаправду любишь, так я к тебе приду. Только мы сейчас обвенчаемся, где-нибудь в деревне, в лесу. Я в одном романе читала: так делают. И я тебя буду любить! У тебя такие глаза хорошие, и усы твои мне ужас как нравятся! А потом – к дяденьке, и прямо в ноги. Ведь не зверь же он лютый! Посердится да и переложит гнев на милость. Скажем: «Влас Терентьич! Повинную голову топор не сечет. Дашенька в омут головой была готова, – а это правда сушая, – на вашей душе был бы грех. Лучше благословите нас, потому что любовь соединила нас по гроб жизни!» Ну, я не умею, а ты разговорчивый. Право слово, – благословит!».

Прозорливый читатель, конечно, подумает, что Аркадий сейчас пришел в ужас, что думает лишь об одном – как бы покинуть дом этой прилипчивой дурочки, дальше сказаться больным, потом можно записку послать, что уехал на воды, восстанавливать легкие. Да, эти мысли присутствовали. Но не только они. Аркадий не был бы Аркадием, он не был бы достоин ни своей изящной внешности, ни модного костюма, ни романтического имени, когда бы ограничивался только одной мыслью. Нет, он видел жизнь во всем ее многообразии, а ситуацию,

соответственно, во всей полноте тех возможностей, которые она может ему, Аркадию, преподнести: «Аркадий уже чувствовал, что зашел слишком далеко в своих призывах.

Сразу утихнув, он слушал болтовню Даши не без смущения. «Однако, чем черт не шутит, – успокаивал он себя, – может статься, девчонка права. Все-таки родная племянница. Титу Титычу своих же близких стыдно станет. Двадцать тысяч – куш не жирный, но надобно все это обмозговать как следует».

– Хорошо, Даша, – сказал он вслух, – мы об этом поговорим после. Пока объяви только своему дяденьке, что насильно замуж не пойдешь. А теперь садись поближе.

Аркадию было жалко, что они столько времени потратили на разговоры.

Можно было недолгие минуты свидания провести веселее. Привлекши к себе девушку, он снова начал целовать ее в губы, в щеки, в глаза, обнимая все более и более вольно. Даша не на шутку смутилась от такой ласки, отбивалась решительно, твердила с укоризной:

– И вовсе вы меня не любите. Вы меня погубить хотите. Для вас это игрушки одни.

«А ведь красивая девочка!.. – повторял сам себе Аркадий. – И вдобавок ко всему обещано за ней двадцать тысяч рублей!»

В эту минуту Аркадий почти искренно любил Дашу».

\* \* \*

И, разумеется, всегда нужно следить за тем, чтобы не переперчить этот супчик. Чаще всего подводит алкоголь. В умеренных количествах он даже нужен – придает лихости, безалаберности и бесстрашия. Но слегка переусердствуешь – и все пойдет не так.

Об этом – рассказ Чехова «Свидание хотя и состоялось, но...» «Он, сам того не замечая, дошел до места, о котором упоминалось в письме.

Она поднялась со скамьи и пошла к нему навстречу.

– Жорж! – сказала она, чуть дыша. – Я здесь.

Гвоздиков остановился, прислушался и начал смотреть вверх, на верхушки деревьев. Ему показалось, что его имя произнесли где-то вверху.

– Жорж, это я! – повторила она, ближе подойдя к нему.

– А?

– Это я.

– Что? Кто тут? Кого?

– Это я, Жорж... Идите... Сядемте.

Жорж протер глаза и уставился на нее...

– Чего надо?

– Смешной! Не узнаете, что ли? Неужели вы ничего не видите?

– А-а-а... Позвольте... Вы какое же имеете пра... пра... вво в ночное время ходить по чужому саду? Милостивый государь! Отвечайте, милостивый государь, в противном же случае я вввам дам... в мор... мор...

Жорж протянул вперед руку и схватил ее за плечо. Она захохотала.

– Какой вы смешной! Ха-ха-ха... Как вы хорошо представлять умеете! Ну, пойдемте... Давайте болтать...

– Кого болтать? Что? Вы почему? А я почему? Смеетесь?

Она громче захохотала, взяла его под руку и потянулась вперед. Он попятился назад. Он изображал из себя упрямого коренника, а она бьющуюся вперед пристяжную.

– Мне... мне спать хочется... Пустите... – забормотал он. – Я не желаю заниматься пустяками...

– Ну, будет, будет... Отчего вы опоздали на полчаса? Занимались?

– Занимался... Я всегда занимаюсь... При... чи... ной вывиха нижней челюсти может быть падение, удар при открытом рте. Челюсти вышибают все больше в трактирах, в кабаках... Я хочу пива... Трехгорного.

Он и она дотащились до скамьи и сели. Он подпер лицо кулаками, уперся локтями в колена и зафыркал. Шляпа сползла с его головы и упала на ее руки. Она нагнулась и посмотрела ему в лицо.

– Что с вами? – тихо спросила она.

– И не ваше, не ваше дело... Никто не имеет права вмешиваться в мои дела... Все они дураки и вы... дураки.

Немного помолчав, Гвоздиков прибавил:

– И я дурак...

– Вы получили письмо? – спросила она.

– Получил... От Сонь... ки... От Сони... Вы – Соня? Ну и что ж? Глупо... Слово «нетерпение» в слове «не» пишется не чрез «ять», а чрез «е». Грамотеи! Черт бы вас взял совсем!..

– Вы пьяны, что ли?

– Ннет... Но я справедлив! Какое вы имеете пра... пр... пр... От пива нельзя быть пьяным... А? Который?

– А зачем же вы, бессовестный, чепуху мелете, если вы не пьяный?

– Ннет... Именительный – меня, родительный – тебя, дательный, именительный...

*Processus condyloideus et musculus sterno-cleido-mastoideus.*

Гвоздиков захохотал, свесил голову к коленям...

– Вы спите? – спросила она.

Ответа не последовало. Она заплакала и начала ломать руки.

– Вы спите, Егор Андреевич? – повторила она.

В ответ на это послышался громкий сиплый храп. Соня поднялась.

– Мер-р-зкий!! – проворчала она.– Негодный! Так вот ты какой?»

В первую очередь здесь, безусловно, поражает наивность барышни, явившейся на романтическое рандеву. Столько времени общаться с абсолютно выключенным персонажем и не понимать в чем дело! Даже запах пива не помог прекраснодушной девушке придать своим мыслям правильное направление.

Но ничего, где-нибудь к середине книге они обязательно научатся.

\* \* \*

Интересно, что работали и ровно противоположные приемы. Застенчивый и неуклюжий медвежонок, трогательный в своей нелепости, не знающий, куда деть руки, шляпу и глаза, пользовался не меньшей, а, может быть, и большей популярностью. Он выглядел более искренним, его хотелось опекать, пресловутые материнские инстинкты зашкаливали. Сыграть подобное было довольно сложно и, как правило, застенчивые кавалеры не только казались такими, но и были такими в действительности. Из них получались прекраснейшие семьянины – один раз объяснившись в любви, подобный увалень даже под страхом смертной казни не мог себя заставить повторить подобный подвиг.

Обратимся к Ивану Тургеневу, «Дворянское гнездо»: «Вдруг свет появился в одном из окон нижнего этажа, перешел в другое, в третье... Кто-то шел со свечкой по комнатам. «Неужели Лиза? Не может быть!..» Лаврецкий приподнялся... Мелькнул знакомый облик, и в гостиной появилась Лиза. В белом платье, с нерасплетенными косами по плечам, она тихонько подошла к столу, нагнулась над ним, поставила свечку и чего-то искала; потом, обернувшись лицом к саду, она приблизилась к раскрытой двери и, вся белая, легкая, стройная, остановилась на пороге. Трепет пробежал по членам Лаврецкого.

– Лиза! – сорвалось едва внятно с его губ.

Она вздрогнула и начала всматриваться в темноту.

– Лиза! – повторил Лаврецкий громче и вышел из тени аллеи.

Лиза с испугом вытянула голову и пошатнулась назад: она узнала его. Он назвал ее в третий раз и протянул к ней руки. Она отделилась от двери и вступила в сад.

– Вы? – проговорила она. – Вы здесь?

– Я... я... выслушайте меня, – прошептал Лаврецкий и, схватив ее руку, повел ее к скамейке.

Она шла за ним без сопротивления; ее бледное лицо, неподвижные глаза, все ее движения выражали несказанное изумление. Лаврецкий посадил ее на скамейку и сам стал перед ней.

– Я не думал прийти сюда, – начал он, – меня привело... Я... я... я люблю вас, – произнес он с невольным ужасом.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только в это мгновение поняла, где она и что с ней. Она хотела подняться, не могла и закрыла лицо руками.

– Лиза, – произнес Лаврецкий, – Лиза, – повторил он и склонился к ее ногам...

Ее плечи начали слегка вздрагивать, пальцы бледных рук крепче прижались к лицу.

– Что с вами? – промолвил Лаврецкий и услышал тихо рыдание. Сердце его захолонуло...

Он понял, что значили эти слезы. – Неужели вы меня любите? – прошептал он и коснулся ее коленей.

– Встаньте, – услышался ее голос, – встаньте, Федор Иванович. Что мы это делаем с вами?

Он встал и сел подле нее на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядела на него своими влажными глазами.

– Мне страшно; что это мы делаем? – повторила она.

– Я вас люблю, – проговорил он снова, – я готов отдать вам всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, как будто ее что-то ужалило, и подняла взоры к небу.

– Это все в божьей власти, – промолвила она.

– Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы?

Она опустила глаза; он тихо привлек ее к себе, и голова ее упала к нему на плечо... Он отклонил немного свою голову и коснулся ее бледных губ».

С точки зрения нынешней морали и сегодняшних поведенческих стереотипов – два чудика нашли друг друга. А в тургеневские времена – вполне романтическая, красивая и, главное, жизненная история.

\* \* \*

Очаровательнейшим медвежонком был Павел Третьяков, известный коллекционер, создатель величайшей галереи русской живописи. Он был безкомпромиссен и находчив в том, что касалось дел. И полной противоположностью себе же – в общении с дамами. Особенно с одной, в которую влюбился.

Он два года скрывал свои чувства от Веры Николаевны Мамонтовой. Чуть ли ни каждый вечер наносил Мамонтовым визиты – и сидел в уголочке, краснел и молчал. К нему привыкли. И к его рассеянности тоже – отодвигали посуду от края стола, а хрупкие вазы выносили из комнаты. Конечно же, догадывались, что все дело в Вере Николаевне, знали, что у себя в галерее он совершенно другой. Но первый шаг за него сделать не смогли.

В конце концов, Павел Михайлович собрался с силами и произнес, глядя на Верочку: «Сударыня, я задам вопрос, на который вы должны ответить откровенно», – произнес Павел Михайлович и покраснел.

Покраснела и Вера.

«Желаете ли вы жить с моею маменькой или вам было бы приятнее, чтоб мы жили с вами одни?» – закончил Третьяков.

К счастью, все давно ждали этого момента, быстро вынесли иконы и благословили молодых.

И, разумеется, Павел Михайлович всю жизнь был верен своей жене, как и она – ему. Вера Николаевна безропотно приняла увлечение своего мужа живописью, его преданность галерее, его нелюбовь к светскому времяпровождению. У Третьяковых родилось шестеро детей. Будучи вдали от дома, Павел Михайлович писал своей жене послания, наполненные до краев глубокой нежностью: «Голубка моя Вера, можешь ли ты понять, как глубоко я благодарен Богу за то счастье, каким я пользуюсь четырнадцать лет, за то чудесное благополучие, каким я окружен, благополучие, заключающее в себе тебя и детей наших! Ты не можешь понять, потому что я мало говорю о том; я кажусь холодным и совсем не умею благодарить Бога, как следовало бы за такую великую милость!».

А Вера Николаевна писала в дневнике: «К нам приехал Павел Михайлович-папа... С ним наша жизнь оживилась, он был душой нашей семьи; читала я с ним „Братьев Карамазовых“ Достоевского... Эти сочинения послужили мотивом для долгих бесед его со мной и сблизили нас еще на столько ступеней, что почувствовали еще большую любовь друг к другу».

В старости Веру Николаевну парализовало. И тогда Павел Михайлович сказал о супруге: Я всю жизнь не мог решить, что мне дороже – галерея или она. Теперь вижу, что она мне дороже».

А спустя несколько месяцев он умер.

\* \* \*

Схожее объяснение в любви было у другого московского купца, также прославившегося благодаря изящным искусствам – у режиссера Константина Станиславского. В 1889 году он влюбился в актрису из собственного театра Машу Перевошикову, известной зрителю под псевдонимом Лилина. Произошло это совершенно неожиданно, когда им довелось играть в одном спектакле – «Коварство и любовь». Станиславский вспоминал: «Оказывается, мы были влюблены друг в друга и не знали этого. Но нам сказали об этом из публики. Мы слишком естественно целовались и наш секрет открылся со сцены... Нетрудно догадаться, кто вдохновлял нас: Аполлон или Гименей».

И опять же, препятствием послужила крайняя застенчивость Константина Сергеевича. Но актерская среда все же была более раскрепощенная. Друзья практически насильно привели Станиславского домой к Маше.

Станиславский писал: «Все это не ускользнуло от раздумявшейся Маруси, которая, безмолвно сидя у раскрытого окна, конечно, чувствовала, что на ее удочке – клюет. Не прошло и часа, как поплавок пошел ко дну».

И снова – фиаско. Режиссер в этот день так и не смог объясниться. Зато на следующий он собрался с духом и произнес: «Сегодня я не тот и говорю вам определенно, ясно и без всякой застенчивости... Знайте, если вы не захотите быть моей женой, я вас увезу насильно. Пеняйте на себя. Вы сами развязали мою застенчивость и потому услышали сейчас мое последнее и решительное слово».

До насильного увоза дело, к счастью, не дошло. Свадьба была сыграна незамедлительно. Спустя два года в молодой семье рождается дочь Кира, а еще спустя три – сын Игорь. Все счастливы.

\* \* \*

Правда, случалось, что медведь так и не мог себя заставить подойти к решающему объяснению. И тогда робкая барышня брала рули и рычаги в собственные изящные ручонки. А что делать – не упускать же свое счастье из-за какой-то ерунды.

Будущий создатель Музея изящных искусств на Волхонке и отец поэтессы Марины Цветаевой, а в то время просто молодой ученый и искусствовед Иван Цветаев влюбился в милую девушку из хорошей семьи, Вареньку Иловайскую. Поначалу взаимности не было, но потом появилась. И в результате именно Варвара Дмитриевна отправила ему письмо, практически, с признанием в любви: «Иван Владимирович!.. Издали как-то лучше умеешь чувствовать людей. Так и я, живя в Москве, мало чем Вас приличала из толпы знакомых, с переездом за границу я даже думала, судя по нашему последнему свиданию, что между нами все кончено. Но услышав потом, что Вы все еще меня не забыли, я стала припоминать Ваши отношения ко мне, и нашла в них столько благородства и доказательства такой чистой души, что невольно меня взяло раскаяние, как могла я не оценить прежде такого человека».

Свадьба была сыграна в июне 1880 года. Священными узами брака были соединены легкомысленная красавица и занудноватый ученый.

\* \* \*

У Ивана Тургенева есть повесть, которая так и называется – «Бретер». Иван Сергеевич, благодаря школьной программе по литературе, ассоциируется в первую очередь с повестью «Муму», романом «Отцы и дети» и многочисленными описаниями природы. А в действительности это был великолепный мастер любовной прозы – в том виде, каком ее можно было тогда допустить.

Повесть написана в сороковые годы, но время действия – 1829 год. Само слово «бретер» давно забыто, тем не менее, это явление существует, и бретеров вокруг нас полно. Это задиристый, скандальный человек, чуть что, сразу готовый вызвать на дуэль любого, кто попадет под руку. Читатель, разумеется, встречал таких людей неоднократно. Разве что сегодня вся гораздо проще, и вместо вызова на поединок как правило следует обыкновенный удар по физиономии. Более того, читатель вдумчивый неоднократно задавался вопросом: почему эти во всех отношениях гнусные люди пользуются таким сногшибательным успехом у противоположного пола?

Что ж, загадка не нова, и феномен симпатий барышень к бретерам занимал и самого Тургенева. Там бретер Авдей Лучков привлекал барышень своей таинственной отстраненностью, замкнутостью, постоянным желанием кого-нибудь унижить. Разумеется, за всем за этим барышни видели неординарность натуры. Хотя банальнее бретера вряд ли можно кого-нибудь себе представить.

«Загремела мазурка. Офицеры пустились подпрыгивать, топтать каблуками и подбрасывать плечами эполеты; статские тоже топтали каблуками. Лучков все не двигался с своего места и медленно следил глазами за мелькающими парами. Кто-то тронул его рукав... он оглянулся; его сосед указывал ему на Машу. Она стояла перед ним, не поднимая глаз, и протягивала ему руку. Лучков сперва посмотрел на нее с недоумением, потом равнодушно снял палаш, бросил шляпу на пол, неловко пробрался между кресел, взял Машу за руку – и пошел вдоль круга, без припрыжек и топаний, как бы нехотя исполняя неприятный долг... У Маши сильно билось сердце.

– Отчего вы не танцуете? – спросила она его наконец.

– Я не охотник, – отвечал Лучков. – Где ваше место?

– Вон там-с.

Лучков довел Машу до ее стула, спокойно поклонился ей, спокойно вернулся в свой угол».

После этого странного танца состоялся разговор между Машей и приятелем Лучкова, добряком и простаком Федором Кистером. Практически у каждого бретера обязательно должен быть подобный приятель – чтобы оттенить демонический образ:

«– Какой ваш приятель странный!

– А он вас очень занимает... – сказал Федор Федорович, плутовски прищурился и добрыми глазами.

– Да... он, должно быть, очень несчастлив.

– Он несчастлив? С чего вы это взяли? – И Федор Федорович засмеялся.

– Вы не знаете... Вы не знаете... – Маша важно покачала головой.

– Да как же мне не знать?».

Далее следовало оболъщение по полной бретерской программе:

«Они подошли к речке. В сажени от берега росла водяная лилия и словно покоилась на гладкой поверхности воды, устланной широкими и круглыми листьями. – Какой красивый цветок! – заметила Маша. Не успела она выговорить этих слов, как уже Лучков вынул палаш, ухватился одной рукой за тонкие ветки ракиты и, нагнувшись всем телом над водой, сшиб головку цветка. „Здесь глубоко, берегитесь!“ – с испугом вскрикнула Маша. Лучков концом палаша пригнал цветок к берегу, к самым ее ногам. Она наклонилась, подняла цветок и с нежным, радостным удивлением поглядела на Авдея».

«Маша заиграла блестящие вариации на россиниевскую тему. Лучков слушал, слушал... и когда наконец она обратилась к нему, лицо его выражало такую нелicenseмерную скуку, что Маша тотчас же вскочила и захлопнула фортепьяно».

Чередую жар и холод, Лучков все же добивается свидания:

«– Я бы желал поговорить с вами... наедине...

– Мы и теперь одни.

– Да... но... здесь в доме.

Маша смутилась... «Если я откажу ему, – подумала она, – все кончено...» Любопытство погубило Еву...

– Я согласна, – сказала она наконец.

– Когда же? Где?

Маша дышала быстро и неровно.

– Завтра... вечером. Вы знаете рожицу над Долгим Лугом?..

– За мельницей? Маша кивнула головой.

– В котором часу?

– Ждите...»

А потом в повести что-то пошло не так:

«Авдей схватил ее за руку.

– Итак, вы меня любите! – воскликнул он. Маша вся похолодела от испуга. Она не думала признаваться Авдею в любви; она сама еще наверное не знала, любит ли она его... Она вдруг почувствовала у себя на щеке жесткие усы Авдея...

– Будемте счастливы, – шептал он, – ведь только есть одно счастье на земле!..

Маша вздрогнула, с ужасом отбежала в сторону и, вся бледная, остановилась, опираясь рукой о березу. Авдей смешался страшно.

– Извините меня, – бормотал он, подвигаясь к ней, – я, право, не думал...

Маша молча, во все глаза, глядела на него... Неприятная улыбка кривила его губы... красные пятна выступили на его лице...

– Чего же вы боитесь? – продолжал он, – велика важность? Ведь между нами уже все... того...»

После этой сцены Маша полюбила Кистера, а Лучков, узнав, об этом, бедного Федю застрелил. К счастью, сейчас подобные истории ежель и случаются, то ограничиваются выбитыми зубами. Но чаще до таких развязок все же не доходит. События развиваются не по тургеневскому, а по довлатовскому сценарию: «Женщины любят только мерзавцев, это всем известно. Однако быть мерзавцем не каждому дано. У меня был знакомый валютчик Акула. Избивал жену черенком лопаты. Подарил ее шампунь своей возлюбленной. Убил кота. Один

раз в жизни приготовил ей бутерброд с сыром. Жена всю ночь рыдала от умиления и нежности. Консервы девять лет в Мордовию посылала. Ждала...

А хороший человек, кому он нужен, спрашивается?..»

\* \* \*

Очень четко выразил позицию подобных ухажеров купец Николай Варенцов – на примере одного своего знакомого: «Н. И. Решетникову было приятно бывать у Майтова, его заметно интересовала Софья Владимировна, жена Майтова, притом же он был большой любитель флирта, он мне часто говаривал: „Бей ворону, бей сороку, руку набьешь – сокола убьешь!“ На свои ухаживания смотрел как на упражнение в получении большего опыта о занятию места в дамских сердцах, что ему в большинстве случаев удавалось, и он умел как-то подходить к женщинам, возбуждая чувство доверия к себе и надежду найти в нем мелодию, не хватавшую им в их жизни».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.